

УДК 101.1:316

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М.В. Черепанова

Томский политехнический университет
E-mail: cherepanovamv@tpu.ru

Рассмотрены предпосылки актуализации этических кодексов в рамках современной социокультурной ситуации. С позиций системного подхода проанализированы перспективы развития и реализации этических кодексов в контексте коммуникативной рациональности.

Ключевые слова:

Этический кодекс, этическая регуляция, коммуникация, современное общество.

Key words:

Code of ethics, ethical regulation, communication, modern society.

Этическая кодификация представляет собой регулятивный механизм, на протяжении многих веков обеспечивающий поддержание стабильной социальной структуры. Современная культура отличается многообразием форм воплощения этических кодексов, превосходящим порой наследие всех предшествующих эпох. Кодексы, регламентирующие поведение индивида, отдельно взятой корпорации, сообщества профессионалов, жителей целого города, становятся привычными атрибутами жизни. Однако при попытке теоретического осмысления наблюдаемой актуализации возникает ряд вопросов. Что составляет предпосылку популярности этических кодексов в условиях новой реальности, получившей определение «текучей современности»? Является ли широкое распространение практики этической кодификации показателем незыблемости и эффективности ее прежнего нарративного характера или же результатом трансформации в новых социокультурных условиях, сохраняющей привычную внешнюю форму и радикальным образом изменяющей содержание? И если сущностные изменения происходят, то в чем они заключаются и какой прагматический потенциал в себе несут? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Анализ предпосылок актуализации этических кодексов сообразно начать с характеристики сложившейся социокультурной ситуации. Большинство исследователей сходятся во мнении, что современное общество коренным образом отличается от всех предшествующих социальных практик. Английский социолог З. Бауман полагает, что территория, на которой развивается современная культура, в прежние времена считалась «непригодной для жизни» [1. С. 316]. Это утверждение базируется на видении кризиса целостной и устойчивой социальной структуры, в рамках которой прежде не только сохранялся баланс между общественными и частными интересами, но и осуществлялось органичное включение ценностно-смысловых структур в онтологический контекст.

Рассмотрение динамики целостной социальной структуры предполагает исследование взаимосвя-

зей между различными ее уровнями: личностью, социальной группой и обществом. Каждый из этих элементов допустимо интерпретировать как ступень на пути реализации этического кодекса. Эти уровни можно условно обозначить как антропологический, корпоративный и социальный. Разбор означенных структурных элементов возможен лишь при понимании их природы, формирующейся в рамках диалектического взаимодействия. В качестве смыслового стержня, объединяющего эти фрагменты, предстает аксиологическая составляющая, соответственно, модификация системы ценностей приводит к изменениям социальной структуры и наоборот. Так, разрушение иерархической организации социума сопровождается исчезновением прежней пирамиды ценностей вместе с венчавшими ее идеалами, что, в свою очередь, дискредитирует модель гармонично-целостной личности.

Трансформация антропологического уровня социальной системы определяется нивелированием идеи целостной личности, характерной для классической модернистской культуры. В первую очередь, происходит переосмысление самого понятия целостности. З. Бауман определяет этот момент следующим образом: «Мы больше не верим в миф существования фрагментов, которые, подобно частям старинной статуи, просто ждут, когда найдут последний, чтобы их можно было склеить вместе для создания единого целого, которое идентично первоначальному целому. Мы больше не верим в некогда существовавшую изначальную цельность или в конечную цельность, ожидающую нас в будущем» [2. С. 28]. Связано это с тем, что в новом мире прекращает свое существование та система координат, которая долгое время определяла мировоззрение западного человека.

Прежде всего, исчезает линейная организация времени-пространства. Нововременная культура пронзалась стрелой времени, направлявшей ее от прошлого к будущему, в соответствии с идеей прогресса. Прогресс предполагает постоянное развитие как культуры, так и личности, отталкивающееся от предшествующих исторических этапов. Образу временного развития соответствует обще-

ственная иерархия и продвижение по социальной лестнице в качестве априорной модели поведения. Принцип организации новой социальной реальности детерминирует отказ от традиционного типа мышления и переход к постметафизическому видению мира, которое отражает процесс непрерывного изменения и становления «мерцающей» современности.

В данном контексте необходимо отметить еще один важный момент. Впервые со времен Античности происходит отказ от бинарной системы оппозиций, которая предполагает неизменное существование двух полюсов, определенным образом лимитирующих мышление человека, и тем самым исполняет ценностно-ориентирующую функцию. Отныне целостность предстает не как дуалистическое единство двух противоположных составляющих (часть—целое, субъект—объект, материя—сознание и др.), а как нечто синкретичное, слитное, «сплошное», не несущее в себе идеи прежней или потенциальной двойственности. Круговорот образов и суждений, возникших на обломках рационально организованной модернистской культуры, становится универсальным строительным материалом: редукция к предельно элементарным основаниям выступает истоком новой организации реальности.

Вышеозначенные пункты коррелируют с кризисом идеи идеала, который содержит в себе основные интенции культуры эпохи модерна. Нормативность в принципе является «специфической онтологической характеристикой культуры» [3. С. 13], которая всегда есть ориентация на нечто абсолютное, здесь-и-сейчас-невозможное и предполагает постоянную творческую переработку сложившейся ситуации с целью её преобразования в иное, высшее состояние. То есть, сфера культуры предполагает постоянную направленность на трансформацию наличного бытия. Это требует включения в ее структуру идеала, как высшего уровня экзистенции, обеспечивающего интенциональность развития личности, а вместе с ней и самой культуры.

Исчезновение идеала неизбежно ведет к потере цели развития, разрушению трансцендентного уровня жизни, который позволяет координировать основные социокультурные процессы, соотносить их с неким совершенным состоянием. Вследствие этого пропадает способность человека к саморефлексии, адекватной оценке происходящих событий и моделированию своего поведения. Попытка выстроить новую аксиологическую сетку в отрыве от прежней культурной традиции и опоры на социальные предписания неизбежно ведет к плюрализму мнений и дальнейшей атомизации общества. При этом личность замыкается на себе и тем самым рискует обернуться не средоточием всего многообразия жизненных практик, а лишь пустой возможностью существования.

Кризис личности как социальной подсистемы, таким образом, связан с разрушением ценностной направленности, которая выполняет интегрирующую функцию по отношению ко всем другим со-

ставляющим ее элементам. Вследствие нивелирования ценностных установок не только исчезает представление о гармоничной личности, но и теряется внутренняя связь между ее индивидуальными поведенческими особенностями и социальными проявлениями. Именно ценностное ядро личности представляется структурным элементом, образовавшим базис социальной структуры. Между центрами личностных ценностных систем протягивались нити социальных связей, образуя устойчивую структуру. После разрушения этих ядер структура сначала становится неустойчивой, а затем окончательно исчезает. В личности начинает доминировать ее индивидуальная составляющая, увеличивающаяся соразмерно уменьшению степени социализации. Диалектическое единство индивида и общества оказывается нарушенным.

Описанные изменения, в свою очередь, приводят к трансформации следующего, корпоративного уровня организации. Корпорация как человеческое сообщество, формирующее определенные общие ценности и нормы, регулирующее отношения между его членами, дающее им чувство принадлежности, то есть создающее свою культуру, особенно важна, поскольку, как известно, в современном обществе традиционный уклад жизни и поддерживающие его структуры разрушаются. Личность, прежде определявшаяся через ее включенность в различные социальные группы, теперь позиционируется как абсолютно свободная. Принцип органичной интеграции вытесняется представлением об идентичности, отражающей новые формы социального взаимодействия.

Однако попытка отыскать в идентичности точку опоры, перевести стремительный поток жизни в привычное русло оборачивается не унификацией правил поведения, а дальнейшей деструктуризацией и фрагментацией, так как общие цели, пропагандируемые корпорацией, не просто допускают, но предполагают поиск каждым индивидуальным путем решения возникающих проблем. Ключевой метафорой, описывающей сложившуюся ситуацию, выступает лабиринт, каждый отрезок которого самодостаточен, не связан с предшествующим и предстоящим этапом, а потому не подчиняется всеобщим законам. Новая реальность предполагает выработку нового механизма индивидуального поведения, ориентированного на отдельный «здесь-и-сейчас» эпизод.

В сущности, происходит отказ от классической модели сообщества и складывание иных форм социальной организации (З. Бауман называет их «гардеробными» или «карнавальными» сообществами). Поиск людьми групп, с которыми они могут себя идентифицировать, продолжается, однако в постоянно изменяющейся реальности нет места традиционным устойчивым структурам. Социальность человека неуклонно снижается, происходит интериоризация и трансформация некогда внешних универсальных принципов. Идентичность, выступающая связующим звеном между индивидом и

сообществом, постепенно размывается и виртуализируется. При этом каждый человек остается один на один с онтологическими дилеммами.

Означенные тенденции дают основание ряду исследователей утверждать, что наступает кризис этики, а этический кодекс, как некая система универсальных принципов, способная упрочить положение человека в реальности, уходит в прошлое: отношения в социуме ограничиваются обменом; при этом исчезает этический (моральный) аспект человеческих отношений и реализуется целый спектр взаимодействий, лишенных моральной составляющей; нормой становится поведение, свободное от этической рефлексии [4. С. 75]. В современной культуре механизмы интеграции и регуляции осуществляются не просто латентно, но бессознательно. Потребление, с точки зрения французского философа Ж. Бодрийяра, подчиняет индивидов неосознанной дисциплине иного кодекса – кодекса знаков, – принуждая их принять правила игры [5. С. 127].

В противоположность этому складывается оригинальная доктрина, согласно которой легитимный источник упорядоченности в современном обществе существует, и в этом качестве выступает не традиционность или рациональная интеграция, а продолжающаяся коммуникация – механизм, содействующий формированию социальности. И, следовательно, можно говорить о том, что сегодня создается новая ключевая характеристика, составляющая сущностное ядро культуры и этического кодекса нового типа – коммуникативность. Коммуникативность в данном случае означает третий этап в развитии этических кодексов. В качестве условий, прежде определявших их специфику на разных исторических этапах, выступают традиционность (1) и рациональность (2).

Итак, на первой стадии развития этических кодексов ключевую роль играет традиционность. Ранние кодификации отличаются аморфностью (слияние права–морали–религии), каузальностью и консерватизмом; они носят всеобщий характер. С ростом общественной дифференциации и закреплением ее в жесткой форме они оказываются отражением мировидения замкнутой социальной группы. Переход от ситуационного мышления к представлению о единых принципах жизни – важнейшее событие в истории этической кодификации – случается в Средневековье. Для закрытого общества с низкой степенью социальной мобильности кодекс полагается важнейшим способом регуляции, так как триедино воплощает всю историю: содержание его продиктовано прошлым, обуславливает настоящее и детерминирует будущее.

Второй период начинается в Новое время, со стартом проекта Большого Модерна, когда рушатся границы сословий и намечается процесс атомизации общества. Отношения между людьми выстраиваются на основе рациональности и целесообразности, пришедших на смену обычаям и ритуалам. Модернизм отказывается от жесткой привер-

женности традиции и объявляет идеалом не копирование прежних достижений, а производство нового – прогресс. Типичным субъектом этической рефлексии является рациональный индивид, ориентирующийся на формализованные процедуры принятия и осуществления решений. Этика на данном историческом отрезке представляется продуктом практического разума, механизмом, который преобразует рациональное начало в оценочные суждения и предписания [6. С. 135]. Соответственно этический кодекс в описываемый период принимает вид общественного договора, сконструированного на разумных основаниях и формирующего сущностное ядро жесткой социальной системы.

Коммуникативность (3) представляет собой принцип организации поведения и деятельности индивида в условиях социальности, устроенной десубстанциально, то есть без базовых основ, скрепляющих ее в единую устойчивую структуру [7. С. 93]. Процесс онтологизации коммуникации предполагает, что коммуникация обретает статус социальной реальности, что позволяет ей воплощать различные типы социальных отношений и артикулировать правила, согласно которым происходит оценка этих отношений [8. С. 194]. Социальная система изменяет свою прежнюю жесткую иерархическую природу на сетевую, лишенную смыслового центра и склонную к дальнейшим модификациям. Г. Бехманн отмечает, что при этом коммуникация ложится в основу социальной системы, а отношения между коммуникацией и обществом носят взаимодополняющий характер: общество выстраивается в процессе коммуникации, коммуникация реализуется только в рамках социальной структуры [9. С. 33]. Кроме того, трансформации приводят к постепенному превращению общества из подчиненного объекта в субъект нормативно-ценностной самоорганизации. Каким же образом в столь непривычной ситуации реализуется механизм этической регуляции? Для ответа на этот вопрос обратимся к теории Н. Лумана, одной из наиболее убедительных моделей коммуникации, интерпретируемой в рамках теории систем.

Согласно данной концепции, отказ от стратификационистского подхода и складывание функциональной дифференциации современного общества приводят к выделению в нем ряда автономных социальных систем. Подобные системы возникают лишь там, где имеет место автопойетическая связь коммуникаций, замкнутая в свойственных только ей взаимодействиях от внешнего пространства. Ключевым свойством системы выступает самореферентность – способность определять отношение к самой себе и отличать его от отношений к окружающему миру, а также постоянно воспроизводить свои внутренние связи и элементы. Важнейшую роль в процессе выстраивания комплексных систем, по мнению Н. Лумана, играют обладающие свойствами кода структуры. Причина их эффективности заключена в избирательном ха-

рактуре кодов, а именно в особом сочетании универсализма и спецификации [10. С. 224].

Таким образом, в рамках новой самоорганизующейся социальной природы этическому кодексу уготована роль своеобразного аттрактора, символизирующего идеальное конечное состояние, к которому стремится система в своем развитии [11]. Акценты его реализации несколько смещаются: он обращается из способа регуляции (предполагающей нарративную жесткость) в источник самоорганизации. В сложных системах формирование аксиологических и институциональных структур осуществляется в процессе бессознательной самоорганизации [12. С. 47]. Иначе говоря, в условиях зыбкой действительности, этический кодекс – не предпосылка коммуникации, а ее результат. Одновременно на него возложена рефлексивная функция, позволяющая проецировать цели системы на поведение каждого индивида, формировать единое поле мировосприятия, что является одним из показателей ее высокого коммуникативного онтологического статуса. В итоге коммуникация приобретает завершенный характер, что свидетельствует о сохранении фундирующей функции этического кодекса.

Подведем итог. Этическая кодификация представляет собой регулятивный механизм, обеспечивающий поддержание стабильной социальной структуры. В то же время онтологические основания кодексов подвержены изменениям: в ходе исторического развития происходит последовательная смена их базисных предпосылок: традиционность—рациональность—коммуникативность. Наблюдаемая актуализация феномена обусловлена необходимостью выработки устойчивых ориенти-

ров в рамках неустойчивой социальной реальности. Вместе с тем сам этический кодекс трансформируется в соответствии с новой обстановкой: коммуникативность, лежащая в его основании, знаменует отказ от властной иерархичности в пользу принципа рефлексивной самоорганизации. При этом структура замыкается, образуя сетевой каркас новой онтологии социальности. В данной связи необходимым инструментом при рассмотрении современных этических кодексов видится системный подход: он демонстрирует их функциональные особенности и условия реализации глубинного коммуникативного потенциала, позволяя избежать косности и симулятивности в процессе разработки и практического внедрения.

Более того, с точки зрения системного подхода, этический кодекс выступает предпосылкой формирования целостной личности. Это связано с тем, что самоидентификация в новых условиях сопряжена, с одной стороны, с опорой на уже существующие культурные образцы, с другой – на трансформацию наличных смысловых структур. Процессы пересекаются в коммуникативном пространстве, в результате чего формируется новый социальный субъект (при этом и понимание социальности, и интерпретация субъективности также подвергаются пересмотру), а этический кодекс становится источником новых ценностей, возникающих в ходе поиска индивидом собственной идентичности.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Аванесов С.С. Нормативность культуры // Дефиниции культуры. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. VIII. – С. 12–15.
4. Бауман З. Свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 129 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика, 2006. – 270 с.
6. Галкин Д.В. К антропологии индивидуализма: судьбы этики и проблемы морального самоопределения в условиях культурной динамики (пост) современности // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 282. – С. 133–142.
7. Петрова Г.И. Открытое образовательное пространство в контексте коммуникативной рациональности: Методологические подходы к практике управленческой деятельности в образовании. – Томск: Томский ЦНТИ, 2008. – 136 с.
8. Иконникова Н.К. Социальная коммуникация: понятие, символическое содержание // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. – 2001. – Т. 3. – Вып. 3 (9). – С. 193–208.
9. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. – М.: Логос, 2011. – 248 с.
10. Луман Н. Власть. – М.: Практикс, 2001. – 256 с.
11. Лебедев С.А. Философский глоссарий // Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/dictionary/190> (дата обращения: 22.09.2012).
12. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – 303 с.

Поступила 23.11.2012 г.